

НАРРАТИВНОСТЬ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIX В.: ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ

А. А. Миронова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу нарративности как структурного стержня разнородного по стилистике и тематике записей текста. Материалом послужили оригинальные письменные памятники XIX в. — церковно-приходские летописи горнозаводской зоны Южного Урала. Передача реальных исторических событий и их интерпретация в матрице единого формализованного летописного текста формируют его в нарративную субстанцию. Доказано, что посредством нарративности формируется современное представление о существовавшей во второй половине XIX в. языковой картине мира.

Ключевые слова: история русского литературного языка, оригинальные рукописные памятники письменности, нарративность.

Понятие нарратива

Понятие нарратива используется в разных сферах знания: философии, социологии, истории, психологии, литературе, лингвистике и др. Подтверждением многогранности термина служит то, что только в рамках лингвистического направления филологи рассматривают нарративные тексты с разных методологических подходов (лингвистического, семантического, семиотического, психолингвистического, дискурсивного, когнитивного и др.) [3—6; 9; 13]. Общим же для всех ученых выступает базовое значение лексемы: латинский корень *narrare* — языковой акт, рассказ. Объектом исследования становится не только художественный текст, но и любой текст, от научного до разговорного стиля, от научной лекции до личных бесед на бытовые темы, подготовленный и спонтанный [1; 7; 8; 11]. Так, В. А. Андреева, анализируя рекламный дискурс, определяет нарратив как монотекстовый феномен [2. С. 13] в отличие от интертекстуальности художественного текста. Для нарратива существенны только те изменения, которые имеют метку на реке времени, определяют последовательность рассказа и квалифицируются как событие. Изложение события ведется с точки зрения фиксатора происходящего. Цель нашего исследования — проанализировать особенности нарратива в летописном тексте XIX в., соединяющем черты традиционного летописания и строгого документоведения, элементы публицистического стиля. Таким образом, перед нами оригинальный церковный дискурс, то есть церковно-приходские летописи представляют собой не художественный текст, как традиционные русские летописи, а са-

мостоятельный жанр в рамках религиозного стиля русского языка. Нарратор демонстрирует официальную позицию — церкви, властей, царя, и личную — прихожан, обывателей, свою. Церковно-приходские летописи — это уникальный источник для изучения становления жанров письменной речи русского литературного языка.

Маркеры нарративности в текстах XIX в.

Основным источником изучения событий русской истории с древнейших времен являются летописи, в то же время они дают представление о становлении русского языка в его литературной форме. Одним из видов летописания выступает церковно-приходское, окончательно сложившееся в 1865 г., после распоряжения епископа Варлаама. Ярким примером сплава культурного и исторического в одном памятнике служит «Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви» [12], берущая свое начало именно в 1865 г. и отражающая жизнь станицы за 11 лет. Отличием летописей Нового времени было точное авторство: записи с 1865 по 1 июня 1874 г. делал священник Лев Емельянов, после этого — Евгений Шмотин; таким образом, нарратор известен.

В тексте церковно-приходской летописи XIX в. выстраивается определенная структура окружающего мира (завода, казачьей крепости, прихода) и осуществляется влияние на читателя. Летописец создает нарративную презентацию действительности, соединяя объективное представление (даты, место, источник информации, ссылка на документ, место его хранения, статистические данные) и субъективное восприятие (оценка).

Передача реальных исторических событий и их интерпретация в матрице единого формализованного летописного текста формирует его в нарративную субстанцию, нарративный источник.

Перед нами письменное повествование, рассказ о происходящих событиях. Летописец исторически интерпретирует события и явления окружающего мира сквозь призму церковного восприятия и осмысления действительности. Условность специфической фиксации происходящего обуславливает строгую форму и порядок изложения: когда (месяц и число), что (рассказ о случившемся), где (место): «29 марта 1865 г. былъ поджогъ дома казака Ѳеодара Туринцева, отъ котораго тотъ и четвере сосѣднихъ дома сгореѣло; убытку отъ этого пожара всѣми понесено было на 1,499 рублей 96 копѣекъ (какъ значится въ показаніяхъ при Кундравинскомъ Станичномъ Правленіи)» [12. С. 36]. Летописец выделяет ярко черным цветом источник своих сведений, подтверждая их достоверность, реальность. Обычно используется обратный порядок слов: сказуемое находится в препозиции к подлежащему.

Так как перед нами погодные записи, то и изменения в мире отмечаются строго по календарю, то есть темпоральные отношения выступают основой для повествования, рассказа, нарратива: «съ послѣднихъ числъ мѣсяца»; «послѣ Литургіи»; «сегодня была закладка Церкви... назадъ тому 22 года»; «въ семь мѣсяцѣ... появилась болѣзнь на рогатый скоть... а потомъ сталъ страдать отъ... въ теченіе года израсходовано и вынута изъ кружекъ». При этом в проанализированном тексте летописи доминирует повествование с элементами описания: «Съ сего числа въ самой станицѣ появилась эпидемическая холера и прдолжалась до 27 числа. Заболѣвшихъ было: мужеска 15, женска 18, выздоровившихъ: мужеска 12, женска 45 и умершихъ: мужеска 3 и женска 3 человекъ» [Там же. С. 147].

Записываются реальные исторические события, имевшие большое значение для общества, например жестокий бой 1774 г. пугачевцев с изюмскими гусарами подполковника Михельсона: «Во время же пугачевского бунта; а именно 1774 году Мая 29 дня, сообщниками нечестиваго предводителя сожжены, самый Священникъ, бывший тогда при оной церкви Иванъ Мухинъ убить, а Діаконъ Маминъ повѣшенъ за не сдѣланную бунтовщику встрѣчу (Священнику сначала, какъ это значится въ рапортѣ Священника Чебуркульской Крѣпости Стефана Комарова отъ 13 юня 1774 года, отрубили руки, потомъ ноги и наконецъ голову)» [Там же. С. 14].

Нарративными выступают предания, размещенные в церковно-приходской летописи: легенда об основании слободы, истории названия и переименования, насильственного оказачивания. Например, запись от 14 декабря 1869 г.: «Сего числа въ приходѣ Кундравинскомъ было открытіе новаго выселка (гдѣ былъ хуторъ Падучинъ) названнаго по Высочайшему повелѣнію Крыжановскимъ, по фамиліи Его Высокопревосходительства, Оренбургскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта, Генераль-Лейтенанта Николая Андреевича Крыжановскаго. При открытіи выселка совершалъ молебствіе приходскій священникъ станицы Кундравинской Левъ Емельяновъ, который отъ Св. Параскевievской церкви далъ въ благословеніе жителямъ вновь открытаго выселка Икону Святителя и Чудотворца Николая, на задней сторонѣ которой учинена надлежащая надпись. Жители въ выселокъ Крыжановскій выселись-ли всѣ изъ самой станицы Кундравинской въ количествѣ 18-ти дворовъ, въ нихъ 43 мужеска и 56 женска пола; все они исповѣданія православнаго и хорошаго состоянія» [Там же. С. 129]. Писец объясняет причину данного названия, приводит точное количество проживающих. В настоящее время подобные записи позволяют объективно представить историю образования и заселения мест.

Летописец повествует о жизни церковного прихода (состав причта и избрание духовных лиц, их биография, награды, заслуги перед обществом; тематика воскресных бесед; пожертвования, посещение прихода известными людьми; доходы, расходы; крестные ходы, вероисповедание, строительство церквей и часовен и др.); о жизни обывателей (болезни, пожары, движение войсковых частей, рыночные цены на те или иные товары, ярмарки, особенности работы винных магазинов, строительство больницы, женского училища, библиотеки и др.). При этом рассказчик дает эмоционально-экспрессивную оценку происходящего: «Церковь, къ великому счастію, и доселѣ существуетъ»; «Тронуло до глубины души, не въ состояніи выразить Вамъ всѣ; въ подкрѣпленіе надежды на лучшее...»; «худой путь, какъ говорится»; «дули постоянно сильные, наводившіе ужасъ, вѣтры»; «пожары, весьма опустошительные...»; «усердіе прихожанъ... было великое, и приклады къ ней деньгами, холстомъ, льномъ и другими предметами были весьма значительные»; «съ чувствомъ умиленія духовнаго восторга»; «лучшихъ прихожанъ съ братскою любовію привѣтствовали ихъ, сорадуясь спасительному общенію». Демонстрируется многознач-

ность лексем — например, приличным может быть поученіе, событію слово, одѣжда, ѣда, урожай. Так, при описании урожая автор пользуется оценочными словами: «ярица тощая, редковатая, льны большей части плохіе, овощи родились посредственно» [Там же. С. 225].

Основными логическими средствами создания нарративности в летописи являются констатация, сравнение, аналогия: «Апреля 10 дня. Въ минувшую зиму морозы были умѣренныя; снѣгъ шель часто и выпало онаго противу прошедшихъ зимъ много больше; бурановъ почти не было» [Там же. С. 154]. Маркерами нарративности выступают слова, структурирующие последовательность событий: постепенно, далѣе, чрезъ двое сутокъ, накануне, послѣ, за тѣмъ.

При включении сообщений, созданных в публицистическом стиле, маркерами нарративности выступают конструкции, вводящие в газетный дискурс: читаль слѣдующее извѣстіе; сообщено такое извѣстіе. Модель изложения едина: когда, где, кто/что произошло. Эмоциональна заметка о собрании священников об уравнении приходов и нарушениях при выборах: «Потолковали между собой, посудили-порядили и рукой было махнули, но... и тогда-то произошелъ переполохъ... Явилась оппозиция въ лицѣ двухъ священниковъ и послѣдовала буря» [Там же. С. 162—169]. Создается эффект живого диалога за счет вопросно-ответных конструкций, восклицательных предложений: «Да что это такое!». Примечателен факт внесения в текст летописи и ответа на «статейку словоохотливого автора», опубликованного в официальном органе печати.

Нарратор приводит много поздравительных речей, поступивших в адрес служителей причта: «Служба Ваша была примѣромъ для насъ — молодыхъ людей — Вашихъ дѣтей духовныхъ. Вы внушали... Вы уличали ложь... Вы были добры». Наличие подобных сообщений дает возможность представить жизненный путь человека, его заслуги, важность для прихожан тех или иных людей, событий. Строго соблюдается последовательность расположения информации в эпидейктическом тексте.

Документы приводятся в соответствие с действующими требованиями их оформления: реквизиты, шрифты, выделения, подписи. Соответственно, много маркированных лексем официально-делового стиля, терминов: во исполненіе данного обещанія, представлены копии актовъ, испрашиваніе разрѣшенія, постановили сей актъ; на подлинномъ подписались, номер акта по исходному журналу и др.

Независимо от принадлежности части текста к тому или иному стилю внутри единого церковного повествования история, вносимая в отдельную запись, является монособытийной. Это подчеркивается и графическим оформлением. Если нарратор явился свидетелем нескольких событий, они отмечаются при помощи красной строки, заглавных рисунков или подтекстовым рисунком, чертой. Форма описания клиширована. Тема и предмет речи определяют размер записи. Это может быть одно предложение или сообщение на четырех страницах.

При рассказе о повседневных событиях, таких как посещение станицы теми или иными людьми, частотны однородные ряды, уточнения, приложения: «20 числа въ 11 часовъ утра изъ Мяскаго завода чрезъ Кундравинскую станицу въ г. Троицкъ и 22 числа въ 11 часовъ вечера обратно изъ г. Троицка чрезъ Кундравинскую станицу въ заводы Мяскай и Златоустовскій проѣхалъ Его Императорское Высочество, Герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ Романовскій; Его сопровождали: Корпуса Горныхъ Инженеровъ Генераль-Маіоръ Кокшаровъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Зининъ, Докторъ Бѣлоголовыхъ и Свиты Его Величества Генераль-Маіоръ Ребиндеръ. При проѣздѣ обратно жители станицы Кундравинской, когда остановилась коляска у почтовой станціи, подносили Его Императорскому Высочеству хлѣб-соль, которую Онъ изволилъ принять и благодарилъ, и спрашивали о здравіи Его Императорского Величества, Батюшки-Царя; — на что удостоились такого отвѣта: “Слава Богу!”» [Там же. С. 46]. Писец регулярно констатирует поднесение хлеба-соли важным гостям, подобная запись встречается 22 раза. Подчеркивается уважительное, иерархическое отношение прихожан к вышестоящим, гостеприимство.

Специфика нарративности церковно-приходской летописи заключается в наличии одного рассказчика, писца, которой передает общую историю событий жизни целого завода/прихода в границах истории страны и мира: «В., Во всей почти Имперіи, и въ частности въ Кундравинскомъ и окрестныхъ прихожанъ существовала эпидемическая болѣзнь — холера» [Там же. С. 213]; «Сегодня въ станицѣ Кундравинской Г. Начальникомъ 3-го Военнаго Округа, Полковникомъ и Кавалеромъ А. П. Бухаринымъ, въ первый разъ произведенъ новый, Высочайше утвержденный, способъ укамплектованія строевыхъ казаковъ посредствомъ жребія. Въ войсковые граждане выпали

жребіи на 14 человекъ третью часть 19-ти лѣтнихъ сидѣнковъ» [12. С. 79].

Записи писца воспроизводят единую схему фиксации происходящего, максимально стандартизованы, что облегчает понимание информации и поиска нужной среди других. Нарративная субстанция летописи формируется из последовательного представления явлений, наполнения ее фактографическим содержанием. Текст выстраивается по принципу линейной композиции: все события излагаются по хронологии, ежегодно в строгом порядке располагаются и тематические блоки, утвержденные программой ведения церковных летописей. Расположены они по годовому кругу, как светскому, так и церковному.

Проявлением авторского видения окружающего мира выступает рассказ о событиях, необычных для прихода. Так, в записи от 27 мая 1874 г. отмечается пожар, в результате которого сгорели 44 двора. «Замѣчательно при семь случаѣ то, что гдѣ горѣло, тамъ былъ столь сильный вихрь, что подымалъ вверхъ кровли, выворачивало бревна и столбы; между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, была погода тихая» [Там же. С. 274]. Отнесение событий к обычному или необычному создает в итоге специфический нарратив церковно-приходской летописи XIX в.

Нарративные каноны летописного дискурса определяются особенностями восприятия окружающего мира глазами священника: «За событіями и явленіями въ приходѣ Кундравинскомъ, почтѣйнейши во сей лѣтописи, съ 1865 года по 1е Іюня 1874 года наблюдалъ и содержаніе лѣтописи излагалъ — Кундравинскаго прихода Параскевѣевской церкви нынѣ переведенный къ Христорождественскому Собору въ городъ Челябинскъ, Священникъ Левъ Емельяновъ» [Там же. С. 274].

Так, примером нарратива писца выступает запись от 7 ноября 1870 г. Ключевые слова помогают следовать мыслью за логикой повествования автора и сделать собственную оценку произошедшего: «*Отрадное событіе.* — Извлечено изъ рапорта Помощника Настоятеля Кундравинскаго прихода Священника Льва Емельянова отъ 21 числа сего Апрѣля мѣсяца за № 87 къ *Его Преосвященству*: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1874 года Священникъ Левъ Емельяновъ, по достаточномъ наставленіи и испытаніи присоединилъ, по чиноположенію церковному, отъ раскольнической безпоповщинской секты къ Православной Церкви — бго числа — дочь крестьянина Московской губернии,

Богородскаго уѣзда, Заполорской волости, Яковлевской деревни Игнатія Шибаета Анну и 21 числа — въ недѣлю о разслабленномъ самого отца ея Игнатія Осипова Шибаета совѣмъ остальнымъ семействомъ: — сыномъ Авдіемъ и дочерями — Маріей, Агафіей, Вассой и Пульхеріей; — статьи о присоединеніи означенныхъ лицъ въ метрической книгѣ Кундравинской Параскевѣевской Церкви записаны подъ №№ 66 и 67-мъ въ мужеской линіи и подъ №№ 51, 61, 62, 63 и 64-мъ въ женской линіи; по присоединеніи всѣ они, кромѣ младенцевъ, были имъ исповѣданы и ввремя Божественной Литургіи Св. Таинъ приобщены, — каковыя таинства были приняты ими видимо съ чувствомъ умиленія духовнаго восторга; за тѣмъ, по окончаніи Божественной Литургіи, согласно желанію новоприсоединенныхъ, было отправлено Господу Богу, изведему ихъ изъ тьмы заблужденій къ познанію истиннаго православія, благодарственное молебствіе, — послѣ котораго многіе изъ лучшихъ прихожанъ еще въ Церкви съ братскою любовію привѣтствовали ихъ, сорадуясь спасительному общенію. Обращеніе этого семейства изъ раскола въ православіе нельзя отнести собственно къ дѣйствіямъ Священника Льва Емельянова, но можно по совѣсти объяснить, что въ теченіе 10 лѣтняго его проживанія въ Кундравинской станицѣ онъ имѣлъ особенную заботу о семь именно потому, что оно было только одно на его части; а между тѣмъ, какъ прибывшее изъ Московской губерніи, гдѣ недалекъ центръ раскола — на Рогожскомъ Кладбищѣ, имѣло важное значеніе для окружающихъ раскольниковъ [Там же. С. 270—271]. Таким образом, событийная структура сообщения предполагает относительно строгий порядок частей предложения, определяемый темой записи. Динамичность повествованию придает именно временная организация, выступающая непременным условием наличия нарратива.

Заключение

Таким образом, в «Церковной летописи Кундравинской Параскевѣевской церкви» XIX в. отражены реальные исторические события жизни провинциального прихода, а сам текст предстает результатом впечатления, которое они произвели на писца. Особое внимание уделено анализу соотношения объективного и субъективного в изложении событий конкретным автором. Нарратор делает попытку представить повествование максимально объективным, точным. Тем не менее в тексте много примеров позиции автора. Логика

повествования о событиях определяется системой ценностей жителей провинциального прихода и требованиями к форме и структуре летописи. Вектор интерпретации направлен от начала года

к его итогам. Читатель осваивает повествование через максимально типизированные схемы констатации событий, отражающих особенности мышления представителя церкви.

Список литературы

1. Агрятин, А. Е. К вопросу о событийной структуре новостного нарратива (на материале «угрожающих» сообщений) / А. Е. Агрятин // Нов. филол. вестн. — 2019. — № 2 (49). — С. 79—89.
2. Андреева, В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере рекламного дискурса) / В. А. Андреева // Науч. диалог. — 2018. — № 12. — С. 9—23.
3. Андреева, В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева. — СПб. : Норма, 2006. — 182 с.
4. Зайцева, Ю. Е. Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Ю. А. Зайцева // Междунар. журн. исследований культуры. — 2018. — № 1 (30). — С. 127—138.
5. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — М., 1996. — 464 с.
6. Попова, Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий / Т. И. Попова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. — 2019. — № 2. — С. 46—50.
7. Пронин, А. А. Диегетический нарратор в документальном фильме-портрете / А. А. Пронин // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. — 2015. — Вып. 3. — С. 216—223.
8. Тодоров, Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров // Новое в зарубеж. лингвистике: Лингвистика текста. Вып. VIII. — М. : Прогресс, 1978. — С. 450—463.
9. Тюпа, В. И. Жанровая природа нарративных стратегий / В. И. Тюпа // Филол. класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 9—23.
10. Фокина, М. А. Нарративные свойства языковых единиц в рассказе И. А. Бунина «Конец» [Электронный ресурс] / М. А. Фокина // Верхневолж. филол. вестн. — 2019. — № 2 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-svoystva-yazykovykh-edinit-v-rasskaze-i-a-bunina-konets/viewer>.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славян. культуры, 2003. — 312 с.
12. Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви (1865—1876) / сост. А. А. Миронова, И. А. Чуносова ; науч. ред. А. А. Миронова. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2014. — 320 с.
13. Gadinger, F. Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis / F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. — Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2014. — 386 S.

Сведения об авторе

Миронова Александра Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. amiron_rus@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 81—86.*

NARRATIVITY OF CHURCH AND PARISH CHRONICLES OF THE 19TH CENTURY: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE

A. A. Mironova

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. amiron_rus@mail.ru

The article is devoted to the analysis of narrativity as a structural core of a text that is heterogeneous in style and subject matter. The exemplary materials were the original written monuments of the 19th century — the Parish Chronicles of the mining zone of the Southern Urals. The paper focuses on the features of the narrative presentation of reality. It is established that the narrator combines objective representation and subjective perception (assessment). The transmission of real historical events and their interpretation in the matrix

of a single formalized chronicle text shapes this text into a narrative substance, a narrative source. The logic of narration of events is determined by the value system of the inhabitants of the provincial parish and the requirements for the form and structure of the chronicle. The interpretation vector is directed from the beginning of the year to its results. The reader learns the story through the most typified schemes of stating events that reflect the peculiarities of thinking of the representative of the Church. It is proved that the modern idea of the language picture of the world that existed in the second half of the 19th century is formed through narrativity.

Keywords: *history of the Russian literary language, original manuscripts of written language, narrative.*

References

1. Agratin A.E. K voprosu o sobytijnoj strukture novostnogo narrativa (na materiale “ugrozhajushhij” soobshhenij) [On the issue of the event structure of the news narrative (based on the material of “threatening” messages)]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2019, no. 2 (49), pp. 79-89. (In Russ.).
2. Andreeva V.A. Narrativ v persuzivnoj kommunikacii (na primere reklamnogo diskursa) [Narrative in persuasive communication (on the example of advertising discourse)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 12, pp. 9-23. (In Russ.).
3. Andreeva V.A. *Literaturnyj narrativ : tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse]. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 182 p. (In Russ.).
4. Zajceva Ju.E. Avtobiograficheskoe vremja v ja-narrativah ljudej raznyh pokolenij [Autobiographical time in i-narratives of people of different generations]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 2018, no. 1 (30), pp. 127-138. (In Russ.).
5. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and type in Russian. Semantics of narrative)]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
6. Popova T.I. Narrativ i povestvovanie: sootnoshenie ponjatij [Narrative and narrative: correlation of concepts]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Tongue. Literature. Culture], 2019, no. 2, pp. 46-50. (In Russ.).
7. Pronin A.A. Diegeticheskij narrator v dokumental'nom fil'me-portrete [Diegetic narrator in a portrait documentary]. *Vestnik SPGU. Seriya 9* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9], 2015, vol. 3, pp. 216-223. (In Russ.).
8. Todorov Ts. Grammatika povestvovatel'nogo teksta [The grammar of the narrative text]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvistika teksta. Vyp. VIII* [New in Foreign Linguistics: Text Linguistics. Iss. VIII]. Moscow, Progress Publ., 1978. Pp. 450-463. (In Russ.).
9. Tjupa V.I. Zhanrovaja priroda narrativnyh strategij [Genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2018, no. 2 (52), pp. 9-23. (In Russ.).
10. Fokina M.A. Narrativnye svojstva jazykovykh edinic v rasskaze I.A. Bunina “Konec” [Narrative properties of linguistic units in the story of I.A. Bunin “The End”]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2019, no. 2 (17). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-svoystva-jazykovykh-edinits-v-rasskaze-i-a-bunina-konets/viewer>, accessed 02.04.2020. (In Russ.).
11. Schmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russ.).
12. Mironova A.A., Chunosova I.A., Mironova A.A. (ed.). *Cerkovnaja letopis' Kundravinskoj Paraskevievskoj cerkvi (1865-1876)* [Church Annals of the Kundrava Paraskeviev Church (1865-1876)]. Chelyabinsk, Polygraph Master Publ., 2014. 320 p. (In Russ.).
13. Gadinger F., Jarzebski S., Yildiz T. *Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis* [Political Narratives: Concepts — Analyses — Research Practice]. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2014. 386 p. (In German).